

Школьный этап — 10 класс

Часть I

1. Прочитайте тексты и выполните задания.

Александр Пушкин

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.

*Wordsworth.**

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

** Не презирай сонета, критик. Вордсворт. (англ.)*

Уильям Шекспир

116 сонет

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я неправ и лжет мой стих, –
То нет любви и нет стихов моих!

Перевод С.Я. Маршака.

А. Назовите имена поэтов, работавших в жанре сонета.

За каждое имя – 1 балл.

Б. Напишите небольшую литературоведческую статью «Сонет», в которой раскрываются основные признаки этого жанра (5-10 предложений). (25 баллов)

Часть II.

Анализ текста (выберите ИЛИ прозу, ИЛИ стихи)

50 баллов

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891-1940)

БЫЛ МАЙ

Был май. Был прекрасный месяц май. Я шел по переулку, по тому самому, где помещается театр. Это был отличный, гладкий, любимый переулок, по которому непрерывно проезжали машины. Проезжая, они хлопали металлической крышкой, вделанной в асфальт. «Может быть, это канализационная крышка, а может быть, водопроводная», – размышлял я. Эти машины отчаянно кричали разными голосами, и каждый раз, как они кричали, сердце падало и подгибались ноги.

«Вот когда-нибудь крикнет так машина, а я возьму и умру», – думал я, тыча концом палки в тротуар и боясь смерти.

«Надо ускорить шаг, свернуть во двор, пройти вовнутрь театра. Там уже не страшны машины, и весьма возможно, что я не умру.»

Но свернуть во двор мне не удалось. Я увидел его. Он стоял, прислонившись к стене театра и заложив ногу за ногу. Ноги эти были обуты в кроваво-рыжие туфли на пухлой подошве, над туфлями были толстые шерстяные чулки, а над чулками – шоколадного цвета пузырями штаны до колен. На нем не было пиджака. Вместо пиджака на нем была странная куртка, сделанная из замши, из которой некогда делали мужские кошельки. На груди – металлическая дорожка с пряжечкой, а на голове – женский берет с коротким хвостиком.

Это был молодой человек ослепительной красоты с длинными ресницами, бодрыми глазами. Перед ним стояли пять человек актеров, одна актриса и один режиссер. Они преграждали путь в ворота.

Я снял шляпу и поклонился молодому человеку. Он приветствовал меня странным образом. Именно – сцепил ладони обеих рук, поднял их кверху и как бы зазвонил в невидимый колокол. Он посмотрел на меня пронзительно, лихо улыбаясь необыкновенной красоты глазами. Я смутился и уронил палку.

– Как поживаете? – спросил меня молодой человек.

Я поживал хорошо, мешали мне только машины своим адским криком, я что-то мямлил и криво надел шляпу. Тут на меня обратилось всеобщее внимание.

– А как вы поживаете? – спросил я, причем мне показалось, что у меня распух язык. – Хорошо! – ответил молодой человек. – Он только что приехал из-за границы, – тихо сказал мне режиссер. – Я читал вашу пьесу, – заговорил молодой человек сурово.

«Надо было мне другим ходом, через двор, в театр пойти», – подумал я тоскливо.

– Читал, – повторил молодой человек звучно. – И как же вы нашли, Полиевкт Эдуардович? – спросил режиссер, не спуская глаз с молодого человека. – Хорошо, – отрывисто сказал Полиевкт Эдуардович, – хорошо. Третий акт надо переделать. Вторую картину из третьего акта надо выбросить, а первую перенести в четвертый акт. Тогда уж будет совсем хорошо. – Пойдите-ка домой, да и перенесите, – шепнул мне режиссер и беспокойно подмигнул.

– Ну-с, продолжаю, – заговорил Полиевкт Эдуардович. – И вот они врываются и арестовывают Ганса. – Очень хорошо, – заметил режиссер. – Его надо арестовать, Ганса. Только не находите ли вы, что его лучше арестовать в предыдущей картине? – Вздор! – ответил молодой человек. – Именно здесь его надо арестовать, и нигде больше.

«Это заграничный рассказ, – подумал я. – Но только за что он на Ганса так озверел? Я хочу слушать заграничные рассказы, умру я или не умру.»

Я потянулся к молодому человеку, стараясь не проронить ни слова. Душа моя раскисла, потом что-то дрогнуло в груди. Мне захотелось услышать про раскаленную Испанию. И чтоб сейчас заиграли на гитарах. Но ничего этого я не услышал. Молодой человек, терзая меня, продолжал рассказывать про несчастного Ганса. Мало того, что его арестовали, его еще и избili в участке. Но и этого мало – его посадили в тюрьму. Мало и этого – бедная старуха, мать этого Ганса, была выгнана с квартиры и ночевала на бульваре под дождем.

«Господи, какие мрачные вещи он рассказывает! И где он, на горе мое, встретился с этим Гансом за границей? И пройти в ворота нельзя, пока он не кончит про Ганса, потому что это невежливо, на самом интересном месте...»

Чем дальше в лес, тем больше дров. Ганса приговорили к каторжным работам, а мать его простудилась на бульваре и умерла. Мне хотелось нарзану, сердце замирало и падало, машины хлопали и рывкали. Выяснилось, что на самом деле никакого Ганса не было и молодой человек его не встречал, а просто он рассказывал третий акт своей пьесы. В четвертом акте мать перед смертью произнесла проклятие палачам, погубившим Ганса, и умерла. Мне показалось, что померкло солнце, я почувствовал себя несчастным.

Рядом оборванный человек играл на скрипке мазурку Венявского. Перед ним на тротуаре, в картузе, лежали медные пятаки. Несколько поодаль другой торговал жестяными мышами, и жестяные мыши на резинках проворно бегали по досточке.

– Вещь замечательная! – сказал режиссер. – Ждем, ждем с нетерпением!

Тут дешевая маленькая машина подкатила к воротам и остановилась.

– Ну, мне пора, – сказал молодой человек. – Товарищ Ермолай, к Герцену.

Необыкновенно мрачный Ермолай за стеклами задергал какими-то рычагами. Молодой человек покачал колокол, скрылся в каретке и беззвучно улетел. Немедленно перед его лицом вспыхнул зеленый глаз и пропустил каретку Ермолая. И молодой человек въехал прямо в солнце и исчез.

И я снял шляпу и поклонился ему вслед, и купил жестяную мышь для мальчика, и спасся от машин, войдя во дворе в маленькую дверь, и там опять увидел режиссера, и он сказал мне:

– Ох, слушайте его. Вы слушайте его. Вы переделайте третью картину. Она – нехорошая картина. Большие недоразумения могут получиться из-за этой картины. Бог с ней, с третьей картиной!

И исчез май. И потом был июнь, июль. А потом наступила осень. И все дожди поливали этот переулок, и, беспокоя сердце своим гулом, поворачивался круг на сцене, и ежедневно я умирал, и потом опять настал май.

1934

Ольга Седакова (р. 1949)

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

The poetry of Earth is never dead.

*John Keats**

Поэзия земли не умирает.
И здесь, на Севере, когда повалит снег,
кузнечик замолчит. А вьюга заиграет –
и забренчит сверчок, ослепший человек.
Но ум его проворен, как рапира.
Всегда настроена его сухая лира,
натянут влажный волосок.
Среди невидимого пира –
он тоже гость, он Демодок**.
И словно целый луг забрался на шесток.

Поэзия земли не так богата:
ребенок малый да старик худой,
кузнечик и сверчок откуда-то куда-то
бредут по лестнице одной –
и путь огромен, как заплата
на всей прорехе слуховой.
Гремя сердечками пустыми,
там ножницами завитыми
все шелкают над гривами златыми
коней нездешних, молодых –
и в пустоту стучат сравненья их.

Но хватит и того, кто в трубах завывает,
кто бледные глаза из вьюги поднимает,
кто луг обходит на заре
и серебро свое теряет –
и все находит в их последнем серебре.

Поэзия земли не умирает,
но если знает, что умрет,
челнок надежный выбирает,
бросает весла и плывет –
и что бы дальше ни случилось,
надежда рухнула вполне
и потому не разучилась
летать по слуховой волне.
Скажи мне, что под небесами
любезнее любимым небесам,
чем плыть с открытыми глазами
на дне, как раненый Тристан?***...

Поэзия земли – отважнейшая скука.
На наковаленках таинственного звука
кузнечик и сверчок сковали океан.

1980-е

*Поэзия земли не умирает. Джон Китс (англ.)

**Демодок – персонаж «Одиссеи» Гомера, слепой певец.

***Тристан – персонаж кельтской мифологии, а также средневекового «Романа о Тристане и Изольде».